

разному и как одностопный ямб или амфибрахий, и как просто прозаическое прощание с читателем)

Итак, перед нами три разновидности «русского склада», три «русских размера» — десятисложник, девятисложник и восьмисложник. Если же прибавить произведения других авторов, взять идентичные ритмические структуры с женскими клаузулами, львовский девятисложник превратится в восьмисложник (например, у Радищева), из восьмисложника получается семисложник («Неверность» Муравьева). Очевидно, дело не в количестве слогов вообще и не в характере клаузулы. В чем же?

Ответ напрашивается сам собою: во всех проанализированных структурах выдержан один-единственный общий ритмический принцип — двухударность, наличие двух постоянных ударений в каждом стихе данного вида. Сама слоговая структура того типа, где выдержаны 100% ударений на 3-м и 7-м слогах (и к тому же есть ударения на четных слогах, например «Я таких только на ярмонках», разрушающие хореическую инерцию ритма), свидетельствует, что перед нами не «четырёхстопный хорей», а ударный, тонический стих — и притом правильный, поскольку сильные ударения имеют свое постоянное место. В другом случае повторяется структура со 100% ударений на 3-м и 8-м слогах, в третьем — на 3-м и 6-м. Эти структуры можно определить короче — как правильный двухударник «3–7» и соответственно, «3–8» и «3–6».

Но зачем Львову понадобилось «изобретать» для литературного стиха вместо уже общепризнанной силлабо-тонической системы тоническую? К этому его подтолкнуло само развитие литературы. Со становлением русского предромантизма (с середины 1770-х гг.) связаны, в частности, такие вопросы, как проблема национальной формы поэзии, создания национальной системы стихосложения с помощью фольклора как источника, во-первых, специфических ритмов, во-вторых, свойственных только русскому народу средств художественной выразительности, арсеналу образов, роднику древней мифологии и т. д.¹⁶ Не случайно уже зачинатель русского предромантизма М. Н. Муравьев, работая над первой в нашей поэзии балладой «Неверность» (1781), наряду с общей фольклорной основой произведения обратился к двухударнику «3–6». Однако баллада осталась единичным экспериментом на практике системы «русских размеров», равно как и теоретического обоснования необходимости новой системы у Муравьева нет.

¹⁶ См. Запавов В. А. Литературные направления в русской литературе XVIII века. СПб., 1995. С. 49–50.